

Прошедшей ночью, запившийся водкой пятидесятилетний Санька в приступе белой горячки хватался за кухонный нож, лежавший в его тумбочке на открытой полке, угрожал зарезать, если кто-нибудь из палаты закроет окно от сквозняка. Чтобы не вызывать дежурного врача пришлось согласиться с желанием алкоголика. В противном случае его бы выписали из стационара, а у него легкие разлагаются от туберкулеза, срочно требуется операция, иначе умрет.

Санька ниже среднего роста и очень худой. Он брюнет, с взглядом несчастного, вечного попрошайки. Лекарства выбрасывает в туалете в унитаз, но изредка при медсестрах принимает, чтобы все выглядело прилично, уколы получает, но от капельниц отказывается, ссылаясь на то, что у него от них постоянная рвота. Клянчит у соседей по палате и по хирургическому отделению еду, которую приносят родственники больным, из больничного рациона ест только тушеную квашеную капусту, маринованные огурцы и винегрет – типичный набор питания в колонии.

С удовольствием бегаёт за спиртным в близлежащие магазины по просьбам пациентов, которые по разным причинам сами не покупают горячительные напитки. Сдачу оставляет себе, на нее и пьет. У всего отделения стреляет сигареты, сам не покупает. От дешевых сигарет отказывается, стреляет только дорогие. Отсидел пятнадцать лет, три срока, в колониях общего режима: за драку, за то, что с группой собутыльников украл у поселкового соседа полтуши коровы, за нанесение травмы, повлекшей смерть. В поселке замужние дочери с ним не общаются, других родственников нет. Младший брат, с детства страдавший пороком сердца, умер от инфаркта после того, как он его ударил.

Гордится тем, что он повар четвертого разряда, умеет готовить блюда из змей, лесных ежей и речных каракатиц, благодаря чему выжил в лихие 90-ые годы. Еще, по его рассказам, умеет дрессировать тараканов, выстраивающихся для него на столе в геометрические фигуры. Правда, этого фокуса никто не видел.

Саньке пятьдесят лет, он трусит оперироваться и по возможности тянет время своего нахождения в стационаре, поскольку здесь чистая постель, вкусная халявная еда, водка, игра в карты и мультфильмы, которые он без конца смотрит по телевизору до поздней ночи. Одевается в одежду, которую оставляют выписывающиеся. Ему перепадают и другие вещи: бритвенный станок, нож, полотенца, обувь, брюки, куртки. В туберкулезном стационаре находится уже год. Жалуется вновь прибывшим в отделение хирургии, что скоро умрет, потому что врачи ничего не могут сделать для улучшения его здоровья. Поэтому просит не будить его до завтрака.

Он услужливый, считает, что таким образом расплачивается за еду и вещи. Во вновь прибывших алкоголиках видит своих товарищей, на-

ходит с ними общий язык и начинает тянуть деньги на попойки. Настоящего паспорта у Саньки нет. В стационар положили по ксерокопии паспорта, поэтому невозможно оформить инвалидность. Паспорт ему не возвращают в общежитии, где он проживал до госпитализации. Санька обращался в полицию, чтобы ему вернули паспорт, полицейские обещали, но никаких мер не предпринимают. Он звонил своему бывшему начальнику, тот тоже обещал, что вернут, но паспорт не возвращают.

Санька не бомж, у него есть свой дом в поселке, прописка. Дочери приезжают на лето из Москвы, как на дачу, выгоняя отца на улицу, к собутыльникам. Пациентам понятно, что он давно пропил свои мозги. Его жалеют, чем он пользуется. Отношение к Саньке плохое, но вида никто не показывает, чтобы не обидеть, иначе перестанет бегать за водкой. Хорошо, хоть наркотиками не балуется, на это удовольствие у него нет денег. Мечтает Санька получить официальную инвалидность второй группы, освобождающую от работы, избежать операции и свалить в какую-нибудь общагу. Знакомые по стационару алкоголики умирали от туберкулеза, но он верит цыганке, которая предсказала ему восемьдесят лет жизни. Санька не моет руки с мылом после туалета и перед едой, под плохо стриженными ногтями черная грязь! Где-то он ее находит в инфекционной больнице.

В палату зашла медсестра, позвала Саньку на КТ. После ее ухода, он вскочил с кровати, яростно сверкнув глазами, выругался матом, ожидая одобрения от соседней по палате. Разочарованный молчаливой реакцией, ушел на КТ.

Всерьез Саньку никто не воспринимает, но пьяных психозов с ножом опасаются, – обидевшись, ночью спящего вполне может резать. У него явно пограничное состояние шизофреника.

В палате № 502 проживает тупой пятидесятилетний рыжий алкоголик. Его месяц готовили к операции. Перевели с третьего этажа из терапии. Каждый день после завтрака он принимает горькую. Потом идет в туалет, сидит там на корточках до обеда, курит и пристаёт с глупыми вопросами к заходящим или сидящим в кабинках. Пытается договориться о складчине на бутылку. Бывает, что и договаривается, обычно с новоприбывшими, потому что те, с кем он выпивал ранее, не выдерживали темпа алкогольного отравления. Вчера ему пытались сделать операцию, вырезать часть большого легкого, но он оказывается. Ночью принял приличную дозу водки, поэтому после произведенного грудного надреза неожиданно очнулся от общего наркоза. Грудную полость пришлось закрыть и перенести операцию на неделю позже.

Наверняка уже блатует пьяниц из первой и восьмой палат сложить деньгами и купить водки. Собутыльники его презирают за то, что, куря в туалете на корточках, плюет на пол и всегда оставляет банку для окурков на полу, не ставит на умывальную раковину. Банку, не заметив, часто сбивают ногами. Еще его сопаатники жалуются на то, что он, когда спит в пьяном состоянии, харкает на пол. Давать ему за это «леща» нельзя. Если узнают о нанесенных побоях, сразу выпишут. Санька с ним не выпивает, у Саньки нет денег пить в складчину. Санька собирает магазинную сдачу после покупки алкогольных напитков, ему ее отдают за работу заказчики. На эту сдачу он покупает водку и пьет втихаря в течение суток в палате. Санька не крысятничает и живет по законам зоны. Лечащийся в соседней палате авторитет использует его для походов за пивом и продуктами, периодически награждая то палкой колбасы, то вареными раками, то карамелью, без которой Санька не может жить.

Сам я сейчас сдам кровь из вены, потом завтрак, потом врачебный обход. В стационаре нахожусь месяц, к операции на легкое подготовлен, прооперируют на следующей неделе.

В палату привели новенького. Михаил переселился на ПМЖ из Казахстана. Пятнадцать лет живет с сожительницей в Нижнем Новгороде в ее доме. Но у него есть и своя однокомнатная квартира. Держат домашнее

хозяйство, выращивают свиней, кур. По специальности электрик. Постоянной работы нет, подрабатывает, где может. Платит алименты за одного ребенка. Полгода тому назад его выписали из терапии этого же стационара, как прошедшего курс, продолжал лечиться амбулаторно. Лечился полгода. Но получился рецидив, сейчас предложили операцию. В палату пришел почему-то радостный. Из дома принес сало поросенка. Предложил его засолить для всей палаты, ушел на третий этаж к своим знакомым, засунув бутылку водки за пояс. Ему, как и Саньке 50 лет, крепкого телосложения, среднего роста, брюнет. В отличие от Саньки матом мало разговаривает.

Есть в палате ещё три человека. Николай, которого после лечения ковида перевели к нам с подозрением на туберкулез. Константин, больной ВИЧ-инфекцией и Андрей. Николай из Нижнего Новгорода, ему 30 лет, брюнет маленького роста, худой, имеет семью: жена и восьмилетний сын, работает завскладом в фирме по поставке рыбы в разные организации, в том числе и в наш тубдиспансер. Находится с нами уже две недели. Не кашляет, без температуры, без болей. Непонятно зачем его положили. Сам говорит, что у него подозрение на туберкулез. Уколы не получает, раз в неделю прокапывают глюкозу и делают УЗИ. Андрею 60 лет, брюнет крепкого телосложения. Прибыл из деревни. Лежит на кровати, ни на кого не реагирует, ему ввели воздух в легкое для прокачки и в легкое же ввели шланг, на конец которого повесили медицинскую бутылочку с мерками. Вот он и переживает этот процесс. Скоро, как все привыкнет, будет с ней везде ходить, спать, может месяц, а может быть и несколько месяцев.

Константину 40 лет, живет в Нижнем Новгороде, сожительствует с матерью двух детей, женщиной современной, с квартирой и дорогой иномаркой. Она не боится заразиться от него ВИЧ-инфекцией. У Константина есть своя квартира. Он высокий с голубыми глазами, богатырского телосложения. Молодые медсестры отделения вздыхают по нему. Он новоевангелист, лечился от наркозависимости в их профилактории. От наркотиков три года как отказался.

Константин пьет чай с пряниками, сидя на кровати возле окна:

– Андрей, что с тобой? У тебя шея вздулась и глаз не видно.

Андрей, еле ворочая языком:

– Тяжело дышать.

Константин выбегает из палаты. Андрей продолжает напряженно дышать. Через три минуты Константин возвращается в палату вместе с хирургом Александрой Павловной и медсестрой. Александра Павловна невысокая женщина 40 лет, блондинка с голубыми глазами. У нее миловидное лицо решительного человека. В обращении с пациентами предельно вежлива. Внимательно посмотрев на Андрея:

– Не пугайтесь и не нервничайте. Это просто воздух пошел под кожу. Сейчас подключим автоматическую откачку воздуха, чтобы гной быстрее вышел из легких. Медсестра уходит за аппаратом.

Обращаясь ко мне:

– Как у вас дела? Во вторник планируем провести вам операцию.

– Спасибо.

Повернувшись к Константину:

– Температура спала?

– 36 и 6.

– Хорошо. Продолжайте принимать таблетки и получать уколы. Николай, у вас как дела?

– Врач, делавший УЗИ, сказал, что жидкости в легких нет.

– Очень хорошо. Продолжайте принимать таблетки.

Ушла из палаты. Зашла медсестра с аппаратом, похожим на небольшую кастрюлю с прозрачными стенками и электрической переноской. Сняла бутылочку со шланга, торчащего из ребер Андрея, присоединила шланг к аппарату, тройник подключила к электрической сети. Аппарат

тихо затарахтел. Медсестра, убедившись, что все нормально работает, посоветовала Андрею находиться в сидячем положении, чтобы гной из легких быстрее откачивался, подложила две подушки между стеной и спиной Андрея, ушла.

В палату заглянула санитарка:

– Идите за завтраком. Ему возьмете? – указывая взглядом на Андрея.

– Конечно, – бодро ответил Николай.

В коридор разрешено выходить только в маске, предохраняющей дыхательные пути. Поэтому, бодро надев маски, идем к окну раздаточной. Сегодня молодая раздатчица, у нее всегда проблемы с добавкой. Куда она деваает эту еду? Домой уносит? Наверное, держит домашнее хозяйство, скармливает пороссятам.

– На завтрак пшенинная каша на молоке, сыр, масло и черный или белый хлеб по желанию, чай с сахаром.

Взяли тарелки с завтраком, чашки с чаем и вернулись в палату. Андрею жарко, температурит. Пока завтракали, в его «кастрюльку» началось не меньше стакана серого гноя. Аппарат будет тарыхтеть, пока не выйдет весь гной. Пришел с КТ Санька. Съел заранее припасенное яйцо с чаем и хлебом. Говорит, что от масла, сыра и каши его рвет.

Медсестра принесла таблетки. Раздала, обратилась к Саньке: «Ты, пожалуйста, при мне прими таблетки. У тебя пятая, последняя группа лекарств, самая сильная. Если не поможет, то тебе уже больше ничего не поможет».

Санька старательно глотает таблетки, запивая чаем. Смеется: «Вкусные у вас конфетки». Тут же карамелью заедает горечь. Медсестра уходит. Теперь можно и в курилку на первый этаж.

В курительной комнате на корточках сидит молодая красивая женщина. Под затемненными очками большие синяки. Мы с ней и ее мужем слегка знакомы по курилке. У них три сына и маленькая дочка. Оба спортивные, выпивают редко и только пиво. В курительной комнате после обеда пациенты обычно выпивают, обсуждают события. Во время тихого часа можно наткнуться на затеявших амуры: пьяными целуются. Сейчас кроме пострадавшей возле открытой форточки курит слегка оглохшая от лекарственных препаратов худенькая шестидесятилетняя брюнетка Ирина. Она из терапии, ей ни до кого нет дела. Спросил у пострадавшей, откуда синяки? Ответила, что мужа вчера вечером подпоили сопалатники, и он на почве ревности ее побил. Ждет свою мать, чтобы та передала мужу его личные вещи. Поутру его выписали из терапии. С мужем разводиться не хочет. Простила. Докурила сигарету, попросила охранника выпустить на улицу. Тот выпустил. Гулять и в магазины выпускают только с 16 до 18 часов. В курилку зашли две девицы из терапии. Обе расстроенные. Обсуждают: где теперь, болея туберкулезом, найдут себе богатых женихов. Посоветовал не комплексовать, туберкулез излечим. Девушки из разных городков. На мое утешение, худенькая светловолосая ответила, что они обе рожей не вышли. Сказал, что умные, богатые мужчины больше смотрят не на внешность, а на характер девушки: будет ли верной женой, не продаст ли за деньги, не предаст ли по своей глупости. Они радостно согласились с моим мнением и, докурив, повеселев, ушли подбирать кандидатов.

Зашел рыжий пожилой алкоголик с нашего этажа с молодым мужчиной из терапии. Оба пьяные. У младшего истерика. Говорит, что его будут переводить в хирургию. Спрашивает меня, как пережил операцию на легкое, попросил показать шрам. Показал. Он тут же сфотографировал на смартфон и отправил матери. Успокаивал его несколько минут, что при мне все операции прошли успешно, хирурги первоклассные, у него будут минимальные послеоперационные последствия. Убедить не смог. Рыжий алкоголик что-то ему напел и сейчас поддакивает страхам, его желанию отказаться от операции и выписаться.

Понимая, что убеждать бесполезно, ушел на свой этаж. Тут появился новенький. На вид лет пятьдесят, плотного телосложения с гривой волос на голове, которые украшает женский обруч. Сидит, внимательно читает журнал. Посмотрел на меня горделиво-насмешливо. Значит, считает себя сверхчеловеком, думает, что легко, не как другие, справится с болезнью. В палате Санька смотрит свои мультфильмы, Андрей все-таки не сидит, а лежит на боку (кастрюля тарахтит), Николай что-то смотрит в смартфоне, Константин разгадывает кроссворд.

Включил свой ноутбук, смотрю новости. Зашел Михаил с собутыльником, оба пьяные. У того истерика. Миша дал ему свой телефон позвонить. Собутыльник орет, видимо своей сожительнице: «Я не виноват, что заболел. Я столько сделал для тебя, а ты меня бросила! Из-за болезни! Кто ты после этого?!».

Видеть мужские «сопли» не интересно. Надел наушники, нашел передачу о бунтах в США. Страдалец ушел. Мишка лег в одежде на кровать, уснул.

Сегодня выписали иеговиста из восьмой палаты. Две недели, не спящая, носил спортивную вязаную шапочку. Туберкулез у него не нашли, от операции по поводу удаления опухоли в легком он наотрез отказался. Опухоль перерастет в злокачественную. Надеется на молитвы своих братьев по конфессии или на свои молитвы?

На третьем этаже в терапии восемь месяцев пролечивалась православная монахиня. Постоянно ходит в монашеском одеянии, но пациенты диспансера трепетного священного ужаса от ее вида не испытывают. Соседки по палате говорят, что в палате разместила иконы, молится, почти каждый день во время тихого часа уходит в церковь, находящуюся неподалеку. Телевизор не смотрит, кроме «Тик-тока» и новостей, с женщинами не сплетничает. Сопалатницы удивляются: неужели в монастыре такая же невозможно неинтересная жизнь? «От скуки сдохнуть можно». Вылечили, предложили поехать восстанавливаться в санаторий поселка Сережа. В санаторий не хочет, там собираются прошедшие лечение в стационарах области: алкоголики, воры-рецидивисты, бомжихи. Можно поймать инфекции, в том числе туберкулез от недолечившихся. Вернуться в женский монастырь священник не благославляет, боится, что не долечилась, заразит других монахинь, но дает благославление на санаторий. Своего дома у нее нет. Куда ей деваться?..

Заглянула медсестра, позвала на уколы. Она делает уколы безболезненно, так же ловко берет кровь из вены. Хотя все медсестры на этаже опытные и внимательные к последствиям от уколов и капельниц. Тут же сообщают дежурному врачу и предпринимают меры.

До обеда время быстро пролетело. Спасибо ноутбуку. Без него было бы плохо. На обед борщ с перемороженным мясом, такой же перемороженный жареный минтай с запеченной картошкой, компот из сухофруктов. Константин высказал Николаю претензию насчет минтая: «Твоя старая поставка со склада. Минтай десять раз перемороженный. Теперь скоро поставщики мяса и курицы у нас появятся, не говоря уже о поставщике квашеной капусты». Николай: «Я тут не причем. Договаривается начальство между собой. Я только отпускаю товар. Санька: «Нормальная капуста. К ней бы еще копченой колбаски!», – смотрит просящим взглядом на окружающих, в надежде, что его отправят в магазин после тихого часа. В магазин его никто из присутствующих не отправил. Санька горько вздохнул и продолжил есть капусту с где-то надыбанной консервированной сайрой.

После обеда произошло ЧП: в первой палате пьяный тридцатилетний Дима упал на металлическую кровать соседа и напрочь ее сломал. Много шума по этому поводу. Кровать заменили. Дима ответно матерился на медперсонал. Теперь его точно выпишут. Может, другие пьяницы после этого поутихнут.

Во время тихого часа пошел покурить в туалет. Стоят две молодые женщины с нашего этажа, курят. Мужчины относятся к этому с пониманием: в женском туалете они не могут курить, пожилые женщины закладывают, да и окно с их слов в туалете не открывается. В туалет, напевая детскую песенку про карусель зашел авторитет, с банкой по откачке жидкости висящей на шланге сбоку: «Девчонки заблудились!», – пропел и шмыгнул в кабинку. Он наркоман. Наркотики приносят по его заказу во время прогулок. Достал всю свою палату: по ночам шарахается, будит спящих. Соседи по палате опасаются, что кого-нибудь ночью зарежет или из окна выпрыгнет. Жаловались мне. Он здесь не один такой наркуша. Есть еще тридцатилетний Ванька, который приехал к старшему брату в Нижний Новгород из Новосибирска на заработки и подхватил туберкулез. Старший брат, очевидно, таким способом оторвал его от пагубной компашки. Приносит Ваньке домашнюю еду, но денег на сигареты не дает, чтобы бросил курить. Ванька сильно страдает без курева. Стреляет у всех, всех этим достал. У него пучит живот до уродства, с унитаза две недели по прибытию в отделение не слазил, явно наркотики выходят таким образом. Все время ноет заходящим в туалет, что ему очень плохо, хотя кому в хирургическом отделении хорошо? Это отделение – последняя инстанция перед реанимацией, а там и до Рая близко. Он крысятник. Но ребята из палаты не стали его бить, на словах объяснили, что шариться по тумбочкам нехорошо. Ванька не носит на боку бутылку со шлангом из легкого, поэтому его периодически отправляют за водкой в «Ленту». С задачей справляется. Дал Ваньке сигарету, попросил не приставать с глупыми вопросами «про жизнь». Закурил. Зашел новенький из Екатеринбургa, ему уже навесили на бок банку. Попросил дать ему сигарету. Явно без денег, раз просит. Разговорились. Выяснилось, что он по специальности маляр. Считает, что в познании эзотерики ему нет равных в России, что мне с ним разговаривать на эту тему равнозначно как если бы шахтер разговаривал с министром угольной промышленности. Явная мания величия и пограничная шизофрения. Похоже, он наркоман. Спросил его о пристрастии к спиртному. Уверяет, что трезвенник и пьяниц – презирает. С трудом верится. Приехал к другу на заработки в Нижний Новгород. Здесь и заразился. На днях попросит у друга денег в долг. Стрелять сигареты стыдно... Посмотрим...

Вернулся в палату. Мишка проснулся. Посмотрев на Саньку, жестом пальцев рук сложил решетку, показал и кивком головы спросил: «Оттуда?».

Санька:

– Проездом был.

– Значит, знаешь, как от шмонов прятать, чтобы не нашли.

– Конечно, не сомневайся.

– Тогда давай по маленькой.

Вынул из-под подушки бутылку водки, налил себе в чашку.

– Кто еще будет?

Николай:

– Не-а. Не пью.

Я отрицательно мотнул головой.

Санька тут же подлетел и подставил свою чашку. Выпили. Закусили печеньем.

Мишка:

– Ты мне друг?

Санька отрицательно мотнул головой. У Мишки от удивления перекосило лицо. Сашка демонстративно пошел к своей кровати и прилег, ожидая дальнейшую реакцию собутельника.

– Пойду еще возьму. Обулся в кроссовки, надел маску и ушел.

Продолжаю смотреть ноутбук: Навального отправили в колонию общего режима. О политике в стационаре не принято говорить. Здесь не до политики: живым бы выйти... Что там нового о коронавирусе? Пишут

и говорят, что положение стабилизировалось. Российская вакцина показывает отличные результаты.

В третьей палате восьмидесятилетний старик заразился ковидом во время свидания с родственниками и заразил всех сопалатников. Сегодня их отправили в спецбольницу. Палату обработали спецвеществами. В коридор на стойку для капельницы повесили скафандр из пленки, поставили перед дверью палаты. Пойду на улицу погуляю по больничному скверу...

Во дворе несколько прогуливающихся, основная часть ушла в магазины за продуктами и необходимыми вещами. На детской площадке, отгороженной металлической сеткой играют больные дети возрастом от трех до двенадцати лет под присмотром санитарок. Смеются, гоняют мячик по траве, ссорятся из-за игрушек. Не все из них выживут. Поэтому смотреть на них и радостно и горько. Вчера пятидесятилетняя санитарка Клава мне сообщила, что в детском отделении умерла десятилетняя девочка. Ранее она поправилась, заведующая отделением выписала ее домой. Сильно радовалась за ребенка. Мать девочки запыла и ребенок снова заболел. Вернули в стационар, не спасли. Заведующая сильно плакала. Санитарка перешла к нам из детского отделения, потому что больше не могла так переживать за детей. В основном брошенные, прикипают к сотрудницам отделения, называют мамами, встречая тянут ручки – что принесла? Сотрудницы тоже к детям прикипают. После излечения их сдают в детдома. Прооперированные и переболевшие на всю жизнь останутся инвалидами. Туберкулез до сих пор окончательно не вылечивают...

В дальнем конце сквера за кустами сидят обе «невесты» с двумя кавалерами из стационара, весело разговаривают, смеются, пьют пиво и закусывают магазинными продуктами. Быстренько нашли себе «миллионеров». Присел на импровизированную лавку: доска на бордюре. Недалеко от меня на такой же лавке сидит двадцатипятилетняя симпатяшка маленького роста. Говорит громко. Слышу ее ответы подружке: «Его и моим родителям меня вложила соседка по отделению Даша. Непонятно за что она мне отомстила, у нее здесь свой парень есть, вместе мальчишек раскручивали. Муж привез мои вещи и сказал, чтобы домой не возвращалась, шла к родителям, а они мне сказали, что не желают меня видеть. Я теперь на улице, бомжиха. Любовник? Он женатик, выписали еще неделю назад. Приезжал ко мне сюда на трамвае... Своей машины нет. Звонила ему. Ничем не может помочь. Предлагает только встречаться. Он не из богатых. Снять мне квартиру не сможет. Зачем он мне? Ты права, буду искать побогаче. Здесь еще минимум три месяца зависать. Может, успею. Маша, если что немножко у тебя поживу. С оплатой, конечно. Деньги всегда заработаю. Ты меня знаешь. Договорились? Спасибо. Ты самая лучшая подруга на всей планете».

После прогулки в отделении подличают: булочка местного производства, чашка кефира. Раздатчица ходит по палатам, сама разносит сначала булочки, потом кефир или сок разливая специальным стаканом с мерками. Кефир пью сам. Булочку отдаю Саньке, он их любит. Вижу через открытую дверь палаты, как с разговором медсестра с санитаркой на коляске везут екатеринбуржца. Он жаалуется:

– Ноги отказали неожиданно. Смог дойти только до лавки возле проходной в корпус.

– Тебе запретили выходить на улицу.

– Я ненадолго, хотел продышаться.

– Каждый раз поднимать тебя на лифте не будем. Другие не ходят, пока выкачка не закончиться. А если бы сознание потерял?

– Кто-нибудь из больных сообщил бы про меня.

«Рисковий мужик, – подумал я, – дорискуется до большой неприятности».

В шесть вечера ужин: мясная котлета с рисом, сырник, чай с сахаром. Свою котлету отдал Константину. Я мясо, десять раз перезамороженное, не ем. Санька ни рыбу, ни мяско, ни курицу тоже не ест. Вкус у них неприятный, отдает какой-то химией. Мишка и Константин едят с удовольствием. Андрей все больше распухает от воздуха. Есть отказался.

Я принес из этажного холодильника свои продукты: салат из курицы с овощами и майонезом, помидор. Санька нервно стал скрести ложкой свою тарелку, намекая на то, чтобы поделился с ним салатом. Поделился. Помидор делить не стал. Пусть отвыкает от подкормки. Раз пьет водку, то пусть собутыльник Мишка подкармливает салом и другими домашними вкусностями. Кстати, сало, принесенное Мишкой, Санька уже засолил и положил в холодильник. Через трое суток будет готово. Алкоголики мне противны. А теперь придется терпеть их пьяные рожи до того времени, пока меня или их не выпишут из стационара.

Санька (неожиданно):

– Меня рвет после такой еды. Как хотите, я сейчас принесу утку и когда будет тошнить, буду в нее блевать.

Ушел из палаты за уткой.

«Гонит картину, актер погорелого театра», – подумал и решил не реагировать на его выходку, хочет испортить всем аппетит, чтобы в последующем его подкармливали своей домашней едой. Так оно и произошло; принес утку, поставил рядом с кроватью, встал на колени и стал громко изображать рвоту. Всем было понятно, что проблеваться он мог, уйдя в туалет. Санька переиграл роль страдальца. Не увидев сочувствующей реакции сопалатников, ушел из палаты. Но пустую утку оставил на месте. Зашла санитарка:

– Вот она, а я ее ищущ по всему этажу. Сашка рвоту изображал? Он и на таблетки рвоту изображает, а сам выбрасывает таблетки в пакет для мусора в коридоре. На что надеется? Умрет ведь.

Забирает утку, уходит.

В первой палате потеряли Ваньку. Ребята пошли его искать. Куда делся несчастный наркоман. Понятно, что отправили за водкой. Ни Ваньки, ни денег. Ванька сбежать не мог, на дорогу в Новосибирск у него нет денег. Брат поместил его в диспансер платно, по договору. Что-то серьезное случилось. Пошел курить в туалет. В туалете тридцатилетний Максим из первой палаты, куря, сообщил, что Саньку в «Ленте» арестовала охрана и сдала в полицию по факту кражи пакета жареных семечек, стоимостью в семьдесят рублей. Значит, скоро выпустят, но из стационара точно выпишут. Дурная слава тубдиспансеру не нужна. Ваньке не требуется операция. Долечат в другой больнице. Его старший брат поможет, засунет Ваньку в районный стационар. Ваньки нет, значит, будут Саньку просить сгонять за водкой. В туалет зашел Санька. Я вернулся в палату. Мишка упылил на третий этаж. Константин с Николаем обсуждают свое лечение. Продолжаю смотреть фильм в ноутбук. Заходит Санька, одевается в уличную одежду. Уходит. С вахтером он договаривается за пачку сигарет. Тогда тот выпускает и впускает нарушителей дисциплины...

Поздний вечер. Слышно как в коридоре екатеринбуржец жалуется дежурному врачу на сильные боли. Дежурит Сергей Петрович, сорокалетний крепкого телосложения мужчина, блондин с голубыми глазами. Все операции проводит успешно. В десять вечера отбой. Николай спит, Константин смотрит смартфон, Андрей дремлет, аппарат тарыхтит. Санька уже пьяный, спит. Мишки до сих пор нет... Пошел покурить в туалет. Вижу, что Мишка ругается с медсестрой. Ему не понравилось, что поднялся с третьего этажа на четвертый к закрытым дверям. На ночь двери закрывают на ключ. Мишка, конечно, в хлам пьяный. Значит, вызовут дежурного врача.

В коридоре выключен свет. Белый, защищающий от ковида скафандр смотрится как привидение, напоминая о «том свете». Страсти

нагнетаются. В туалете курит женщина, которой неделю назад провели операцию на легкое, вырезали опухоль, которая появилась после перенесенного ковида. Она работала медсестрой в ковидной больнице, там заразилась. Ей повезло, через две недели выпишут домой, будет долечиваться амбулаторно. Разговорились. Она замужем, есть дочь. Семья не заразилась. Муж порядочный, не пьет. Поговорили об инфляции: лекарства дорожают. Докурила сигарету, ушла спать.

В туалет зашел худющий сорокалетний ВИЧ-инфицированный. Еще две недели назад его привезли в отделение на коляске. Неделю не вставал с кровати. Еле доходил до туалета. Сейчас нормально ходит, готовят к операции на легкое. Он закурил, стоя у открытого окна. Не картинно стал всхлипывать от плача. Не буду ему мешать. Вернулся в палату.

Мишка в палате. Спит. Все спят. Аппарат тарахтит...

Утро. Андрея раздуло, как воздушный шар. Глаз не видно. Голое по пояс тело как будто в космическом скафандре для выхода в открытый Космос. Ухожу за медсестрой на пост. Она делает уколы тяжелобольным в палатах. Нашел.

- В нашей палате Андрея раздуло слишком сильно, надо звать врача.
- Сейчас иду.

В палату вошла с Сергеем Петровичем. Тот, оценив ситуацию, отдал распоряжение увезти Андрея в реанимацию. Ушли. Через пять минут санитарки погрузили Андрея в кресло-коляску и увезли. Интересно, кто к нам прибудет вместо Андрея?

Ночью произошло ЧП: екатеринбуржцу дежурный врач назначил капельницу, тот, оказываясь, получив от своего друга деньги на карту, сходил в «Ленту» и купил чекушку водки. Каким-то образом спрятал на теле так, что санитарки, поднявшие его на пятый этаж, эту бутылочку не заметили. Ночью после полученной капельницы, он выпил водку и во сне умер от инфаркта. Если бы друг не отправил денег, он бы жил. Друг виноват, зная характер екатеринбуржца? Думаю, что отчасти виноват. Он не знал, что в стационаре пациенты выпивают, а выпивка в сочетании с лекарственными препаратами смертельно опасна.

Ваньку выписали из стационара. Мишка, вернувшись из ординаторской после полученного разгона, сообщил, что его тоже выписали.

- Просил же врачей отпустить домой на два дня. Я бы пропился и здесь не стал бы выпивать до самой операции. Какие они жестокие.
- Сказали, чтобы через неделю появился.
- Тебе дали возможность основательно пропиться, - съязвил Константин.

Мишка вчера спойл на свои деньги две палаты на третьем этаже. Те поскандалили, подрались между собой, а днем до этого спойл первую палату. Медсестры из обоих отделений зафиксировали этот факт и сообщили дежурному врачу, тот сообщил заведующим отделений. Хорошо, что во время этих попок никто не был убит и не покалечен. Мишка собрал свои вещи, ушел. Через час в палату привезли в коляске шестидесятилетнего Александра. Он прибыл в стационар из Больницы № 10. Санитарка принесла его личные вещи, перебрала, забрала все грязное, чтобы постирать. Александр из предместья Нижнего Новгорода. С его слов, у него есть дочь, но погода не навещала его. От него сильно пахнет. Предложил санитарке помыть его. Посадили в кресло, отвезли в ванную комнату. Раздели. Он оказался в подгузнике, конечно, уже сходил под себя. Предложил санитарке положить его на стоящий там топчан и промыть тело гибким душем. Она попросила принести из санитарной комнаты мыло и чистые тряпки. Принес. Ушел. Через двадцать минут привезла помытого в палату. Но он будет продолжать ходить под себя. В палате нечем будет дышать даже при открытом окне. На этаже есть изолятор: одноместная палата, туда кладут пациентов с подозрением на открытую форму туберкулеза. Сейчас

она пустует. Надо попросить заведующего отделением перевести Александра туда. Думаю, он пойдет навстречу. Заведующему отделением шестьдесят лет, двухметровый полный брюнет с голубыми глазами. Очень добрый человек, но старается выглядеть построже. Позавчера медсестра позвала его в седьмую палату, там пациент стал ножницами кромать постельное белье, наверное, сошел с ума (имущество в отделении ценится на вес золота, его недостаточно). Заведующий взял полицейскую дубинку, она всегда хранится в его кабинете и смело отправился на разборки. Отбив дубинкой постельное белье, спросил у пациента, зачем он режет свое постельное белье. Тот ответил, что не знает зачем. Вызвали психиатра, несчастного шизофреника перевели в психиатрическую больницу. Значит, пациенту не требовалась срочная операция. Там ему будут проводить так же противотуберкулезное лечение и готовить к операции.

Разговаривать с заведующим вызвался Константин. Ему больше всех не понравилась ситуация с подгузниками Александра. Через десять минут вернулся с медсестрой и санитаркой, которые перевезли Александра в изолятор.

Андрей не умер в реанимации, видел, как его через коридор отвезли в отделение по исследованию пациентов на второй этаж. На четвертом этаже костно-туберкулезное отделение, на первом этаже детское.

Поздно вечером пришел Санька, целый день где-то шлындал. Сильно пьяный. Сразу разделся и лег спать. Решили закрыть окно, на улице резко похолодало, а простывать нельзя. Сашка тут же проснулся, как будто не спал. Стал материться и возмущаться, что ему нечем дышать. Уговоры не подействовали, схватился за свой поварской нож. Константин дал ему «леща», тот сразу успокоился. Но медсестра слышала и, открыв дверь, успела увидеть финальную сцену с ножом и оплеухой. Сообщила дежурному врачу. Поутру Саньку выписали после разговора в ординаторской. Он молча собрал вещи. Ушел, обидевшись на всех. Теперь его будут готовить к операции в какой-нибудь районной больнице. Похоже, что своего младшего брата, страдающего пороком сердца, он ударил не рукой, а кухонным ножом, находясь в таком же пьяном угаре. Это поняли все, кому он изливался в своем проступке, желая услышать одобрение. А изливался он всем своим собутыльникам. Продолжает жить по законам зоны. Серьезные происшествия обсуждаются в курительной комнате и в сквере, вести разносятся по всему стационару с необыкновенной скоростью... Константина врачи простили, оставили в стационаре дальше проходить лечение, поняли, что этим «лещем» он, возможно, спас свою жизнь и жизни сопалатников от ножа рецидивиста.

Завтра мне делают операцию. Психологически и физически готов. Уверен в положительном результате. Уверен в своем хирурге. Уверен в реаниматоре. У всех большой опыт. Все высокопрофессиональные специалисты...

После операции пришел в себя в реанимации. Дежурная медсестра требует лечь на бок, чтобы жидкость из легкого выходила через трубку в бутылочку, привязанную к кровати. Кое-как перевернулся на бок, подвинулся с помощью медсестры к краю кровати. Тут же уснул.

Утром разрешили сходить в отделение (оно находится на одном этаже с реанимацией), позвонить близким людям, что операция прошла успешно. Обычно в реанимации после операции проводят двое-трое суток. Теперь два месяца буду долечиваться в отделении, потом выписка и амбулаторное лечение по адресу прописки. Отрезали всего десять процентов легкого. Думал, что отрежут полностью.

Но два месяца послеоперационного восстановления придется жить в этой суровой и нервной обстановке.

2.08.2021 г.